

ТРУДЫ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛЪ

1887

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ II

МОСКВА

Типографія Э. Лисснера и Ю. Ромава, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера

1891

Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ.

Н. И. Веселовскаго.

Городъ Самаркандъ, извѣстный намъ со временъ походовъ Александра Великаго, испытавшій на своеимъ вѣку много разныхъ переворотовъ, возродился въ послѣдній разъ, послѣ Чингисханова погрома, какъ столица могущественнаго государства Тимура, болѣе у насъ извѣстнаго подъ именемъ Тамерлана.

Тимуръ, избравъ этотъ городъ своей резиденціей, сталъ украшать его съ тою удивительною энергию, которая отличала всякую дѣятельность этого великаго завоевателя. Онъ прокладывалъ широкія улицы, чтѣ на востокѣ вовсе не принято, разводилъ сады, строилъ дворцы, воздвигалъ мечети. Объ этой страсти къ постройкамъ очень обстоятельно свидѣтельствуютъ Гонзалесъ де-Клавихо, посолъ Генриха III Кастильскаго, и бiографъ Тимура — Шерифъ-эд-Динъ. И Тимуръ имѣлъ полную возможность удовлетворить свою страсть: изъ всѣхъ завоеванныхъ странъ, онъ, по примѣру Чингисхана, съ которымъ имѣлъ много общаго и которому старался подражать, уводилъ въ свою столицу ремесленниковъ и мастеровъ, по преимуществу изъ Персіи. Персидскіе мастера, отмѣтившіе имена свои на воздвигнутыхъ зданіяхъ, ввели персидское искусство въ Средней Азіи. Но какъ все заносное, не выросшее на родной почвѣ, оно тамъ не было прочно. Хотя персіяне и передавали туземцамъ свои знанія, приемы, вкусы, хотя слѣды всего этого замѣтны въ Средней Азіи и нынѣ, но искусства среди сартовъ не развились, а постепенно клонились къ упадку и теперь находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.

Тимуръ былъ очень религіозенъ и, несмотря на то, что едва ли кто истребилъ столько мусульманъ, какъ онъ, несмотря на нѣкоторыя нарушенія предписаній корана (относительно вина, напримѣръ), самъ считалъ себя, да и другіе считали, ревностнымъ мусульманиномъ, и любилъ выставлять на показъ свою религіозность. Поэтому, быть можетъ, Тимуръ и строилъ, главнымъ образомъ, мечети. Всѣ мечети его отличались грандіозностю и красотой. Облицовка ихъ состоитъ изъ самыхъ разнѣобразныхъ изразцовъ; надписи разными почерками помѣщены въ изобиліи какъ внутри, такъ и

снаружи. Достойнымъ подражателемъ Тимура на этомъ поприщѣ явился знаменитый внуkъ его Улугъ-Бекъ (1447—1449).

Благодаря тимъ мечетямъ, ни одинъ городъ въ Средней Азіи не могъ итти въ сравненіе съ Самаркандомъ въ то время, да не можетъ сравниться и теперь, хотя мечети и медресе, не ремонтировавшіяся въ теченіе почти пяти столѣтій, пострадали отъ времени, отъ землетрясеній, отъ невѣжества туземцевъ и отъ военныхъ дѣйствій. Пострадали до такой степени, что нѣкоторыя обратились уже въ груды мусора. Только теперь русская администрація занялась, на глазахъ равнодушнаго населенія, охраненіемъ этихъ чудныхъ памятниковъ и поддерживаетъ ихъ, насколько возможно, отъ гибели. Въ настоящее время изъ самаркандскихъ мечетей лучше, сравнительно сохранились: Гуръ-эміръ, Ширъ-даръ, Тилля-кари, Улугъ-бекова и отчасти Шахъ-зиндэ. Мечеть Биби-ханымъ доживаетъ послѣдніе дни.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ мечетей предназначались служить усыпальницами для многочисленной семьи Тимура, и въ этомъ отношеніи имъ проведена извѣстная система. Въ мечети Биби-ханымъ¹⁾ похоронены жены Тимура; всего 5 гробницъ. Въ Шахъ-зиндэ скончаны ближайшіе родственники его: братъ, сестра и тутъ же кормилица Тимура и ея дочь. Въ мечети Гуръ-эміръ покоится, при немъ самомъ и его ближайшихъ потомкахъ, его учитель съ сыномъ. Гонзалесъ де Клавихо передаетъ, что Тимуръ желалъ быть погребеннымъ въ городѣ, въ которомъ онъ родился, въ Кешѣ (въ Шехрисябзѣ), гдѣ былъ похороненъ его отецъ, и выстроилъ для этой цѣли особую часовню при гробнице отца. Очень возможно, что таково и было намѣреніе Тимура прежде, такъ какъ тамъ онъ похоронилъ и первого сына своего Джегангира; но впослѣдствіи, должно полагать, измѣнилъ этотъ планъ.

Гуръ-эміръ значитъ: могила эмира (т.-е. эмира Тимура). Мечеть эта замѣчательна не столько величиной, сколько отдѣлкой. Снаружи облицована она разноцвѣтными изразцами, внутри — красивымъ зеленоватымъ камнемъ (особаго рода прозрачный извѣстнякъ). По стѣнѣ, въ видѣ широкаго пояса, идетъ надпись изъ корана. Плиты, на которыхъ высѣчены надписи, во время ремонтировки мечети, перепутаны. Мечеть состоитъ изъ двухъ ярусовъ²⁾. Нижній представляетъ склепъ, на полу котораго размѣщены надгробныя плиты надъ могилами похороненныхъ. Въ верхнемъ ярусе тоже устроены гробницы въ такомъ же размѣщеніи, какъ и внизу. Здѣсь похоронены: Тимуръ, два его сына: Миранъ-шахъ и Шахъ-Рухъ, внуки: Мухаммедъ-султанъ и Улугъ-бекъ, учитель Тимура Миръ-Сеидъ-Берке, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, и отдѣльно вправо гробница (безъ надписи), какъ мнѣ передавали, сына Сеида эмира Кулоля, самъ же эмиръ похороненъ въ Бухарѣ. Надписи имѣются не на всѣхъ гробницахъ. Облицовка нѣкоторыхъ памятниковъ обвалилась и замѣнена алебастромъ.

Надгробная плита въ склепѣ содержитъ стихи изъ корана (2-й сурѣ), а по бокамъ, въ видѣ бордюра, слѣдующую надпись: „Эта могила сultана величайшаго, ха-

¹⁾ Биби-ханымъ значитъ: любимая жена.

²⁾ Мнѣ передавали, что есть еще третій ярусъ, гдѣ и находятся могилы, но положительно утверждать это я не берусь, хотя самъ видѣлъ, что въ одной стѣнѣ замурована какъ будто дверь; но можно предположить существование здѣсь михраба.

кана благородного, твердаго въ вѣрѣ и благочестіи эмира Тимура-курагана (зятя), сына эмира Тарагая, сына эмира Баргала, сына эмира Илянгира, сына эмира Абхала, сына эмира Каракара, сына эмира Сугучдана, сына эмира Ирдамчи-Берлясъ, сына эмира Кучулай-бекадура, сына эмира Туменай-хана¹. Затѣмъ (следуютъ): „Чингисъ-ханъ, сынъ эмира Ёсукай-бекадура, сына эмира Тартай-бекадура, сына эмира Кабуль-хана, сына эмира Юмтая, сына эмира Басангира, сына эмира Кайду, сына эмира Юмтая, сына эмира Тука, сына эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого, только мать — Илангоа, которая забеременѣла отъ луча свѣта, а не была распутною, происходитъ отъ потомковъ Асадъ-Уллы (льва Божія).... Али сына Абу-Талиба (да прославить его Господь!). Скончался (Тимуръ) въ ночь 14-го шаабана 807 года (= 3-го февраля 1405 года)“.

Въ *Шейбани-намѣ*¹) родословіе это ведется такимъ образомъ: Алангоа, Бузанджаръ, Бука, Дутумъ-Менинъ-ханъ, Кайду, Байсангуръ, Туминѣ-ханъ, Кабуль-ханъ, Кутила-каанъ, Исукай-бекадуръ, Чингисъ-ханъ.

У *Абуль-Гази* видимъ небольшую разницу: Алангоа, Буданджаръ-мунанъ, Бука, Дутумининъ, Кайду, Байсанкуръ, Тумене-ханъ, у которого сыновья Кабуль и Каджулы. Отъ первого изъ нихъ происходятъ: Буртанъ, затѣмъ Исукай-бекадуръ, Чингисъ-ханъ. Отъ второго: Иримчи-Барласъ, отъ которого ведеть свой родъ Аксакъ-Тимуръ.

Въ *Тарихи-сейидъ-Ракимъ* генеалогія Тимура, какъ представляли ее мусульманские писатели, излагается еще проще: Тимуръ сынъ Тарагая, сына эмира Баркаля, сына Илянгира, сына Абхиля, сына Каракарь-найяна, который сынъ дяди Чингисъ-хана. Отецъ этого Каракара Сугуджъ-ханъ, сына Ирдамчи-Берлясъ, сына Каджулу-бекадура, сына Туменѣ хана, сына Басангиръ хана, сына Кайду хана, сына Дуименѣ хана, сына Бука хана, сына Бузанджаръ хана. Поколѣніе Бузанджара и родъ Чингисъ хана происходятъ черезъ Туменѣ хана, который есть четвертый предокъ Чингисъ хана и девятый — Сахибъ-кирана (Тимура). Чингисъ-ханъ сынъ Ёсухай-бекадура, сына Бертанъ-бекадура, сына Кабуля, сына Туменѣ.

Въ *Юань-чао-ми-ши*²): Аланъхоа, Бодуангартъ, Хабичи, Мѣнянтуудунъ, Хачикюй-лукъ, Хайду, Бошинъ-хордохшинъ, Туньбинай-сѣчанъ, Хабулъ-хаханъ, Бартанъ-баатуръ, Ёсугай-баатуръ, Чингисъ.

Надо замѣтить, что Шерифъ-эд-Динъ³) и сейидъ-Ракимъ⁴) — день смерти Тимура относятъ на 17-е шаабана. Думаемъ, что преимущество въ этомъ случаѣ принадлежитъ надгробному памятнику.

Послѣ этого отступленія переходимъ ко второму экземпляру надгробнаго памятника Тимура.

Въ верхнемъ ярусѣ, въ мечети, гробница Тимура представляетъ замѣчательную драгоцѣнность. Это нефритъ темно-зеленаго цвѣта, состоящій изъ двухъ составленныхъ

¹⁾ Шейбаниада, исторія монголо-турковъ. Изд. И. Березина. Казань, 1849.

²⁾ Труды Пекинской Духовной Миссіи. Т. IV.

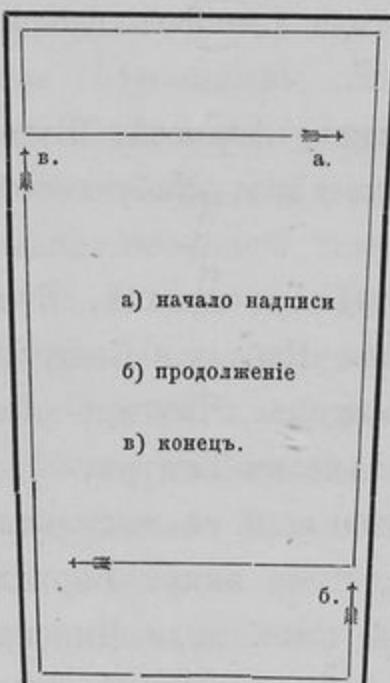
³⁾ Histoire de Timurbe. Trad. Petis de la Croix. Paris, 1722. Т. IV, p. 228.

⁴⁾ 17-го шаабана, во вторникъ вечеромъ, 807 года.

глыбъ, единственныхъ по своимъ большимъ размѣрамъ. Величина всего памятника слѣдующая: длина — 1,92 метра, ширина вверху — 36,75 см., внизу — 34 см., высота — 30 см.; ширина надписи — 5,75 см.¹). Надпись расположена по краямъ и въ двѣ линіи поперекъ; поле ничѣмъ не занято. Съ боку, въ ногахъ, надпись, изъ которой явствуетъ, что камень этотъ перевезенъ по повелѣнію Улугъ-бека изъ Ардана (или Дурдана), близъ Карши, въ столицу, т.-е. въ Самаркандъ.

Родословная Тамерлана представлена въ такомъ видѣ:

„Это могила сultана величайшаго, хакана благороднѣйшаго, эмира Тимура-курагана, сына эмира Тарагая, сына эмира Баркаля, сына эмира Абхаля, сына эмира Ка-

рачаръ-нойяна, сына эмира Сугучджана, сына эмира Ирдамчи, сына эмира Куджулай, сына Тумнай-хана. Генеалогія Чингисъ-хана развѣтвляется отъ этого же корня и доходитъ до сultана славнѣйшаго, погребенного въ этой могилѣ — чрезмѣрная слава и превосходство, потому что Чингисъ-ханъ сынъ эмира Ёсукая, а этотъ сынъ эмира Босангира, сынъ Кайду-хана, сынъ эмира Тумнай, сынъ эмира Бука, сынъ эмира Буданджара. И неизвѣстенъ отецъ этого славнаго мужа, но мать — Илангоа, добродѣтельная и цѣломудренная, которая не была распутною, а забеременѣла отъ луча свѣта, спустившагося на нее сверху двери . . . . .²). И говорять, что онъ (Тимуръ?) происходитъ отъ потомковъ повелителя правовѣрныхъ, Али сына Аби-Талиба . . . .³). Скончался въ

ночь 14 шаабана 807 года.

Такова родословная Тамерлана. Онъ оказывается потомкомъ Чингисъ-хана, что въ Средней Азіи имѣло, имѣть отчасти и теперь, важное значеніе.

Надписи надгробныхъ памятниковъ считаются данными вполнѣ надежными, ссылаясь на которыхъ готовъ всякий изслѣдователь; но надо осторожно относиться къ такимъ, которыхъ, кроме указанія о смерти извѣстнаго лица, преслѣдуютъ еще какія-либо иные, постороннія цѣли. Памятникъ Тимура служить лучшимъ тому доказательствомъ.

Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана ни по мужской линіи, ни по женской; послѣдняя, впрочемъ, въ виду и не имѣется. Несообразности въ этой сочиненной генеалогіи выдаютъ сами себя и никакъ не вяжутся съ дѣйствительностю, которая намъ хорошо извѣстна, благодаря обилію источниковъ для Тимурова времени.

Сочинить громкую родословную выдающемуся дѣятелю считается во многихъ странахъ Азіи необходимостю. Въ такомъ случаѣ и народъ легче переносить деспотизмъ какого-нибудь высокочки, да и этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ больше правъ для своего произвола. Самому Чингисъ-хану, сына простого десятника, начавшему свою карьеру

1) Мушкетовъ, «Туркестанъ». Спб., 1886. Стр. 378.

2) Чтеніе надписи затруднительно вслѣдствіе порчи ея.

3) Мѣсто темное.

разбоями и грабежомъ, тоже сочинили удивительное родословіе, хотя самъ онъ вовсе въ немъ и не нуждался¹⁾.

Что Тамерланъ не происходилъ отъ Чингисъ-хана, въ этомъ убѣждаютъ насъ всѣ поступки Тамерлана и обстоятельства его возвышенія. Иначе зачѣмъ бы ему было укрываться за чингизидовъ, даже *оглановъ*, т.-е. не царствовавшихъ потомковъ Чингиса? А известно, что Тамерланъ, подчинивъ себѣ всю Среднюю Азію, не рѣшился объявить себя ханомъ, а провозглашалъ ханами сперва Сююргатмыша, а потомъ Махмуда, которые не имѣли никакого значенія и которыхъ Тамерланъ во время походовъ возилъ съ собою въ обозъ. И не одинъ Тимуръ только поступалъ такимъ образомъ, а и всѣ другіе влиятельные честолюбцы, которые, по своему происхожденію, не имѣли права на престолъ. Обыкновенно такие честолюбцы предоставляли своимъ потомкамъ устранить эфемерныхъ хановъ и занять ихъ мѣсто. Тимуръ же подъ конецъ своей жизни самъ порѣшилъ съ подставными ханами, и въ этомъ еще разъ выказалась сильная натура этого необыкновенного человѣка. Ханского титула онъ, однако, не присвоилъ, остался попрежнему эмировъ и „зятемъ“. Зять значитъ — породнившійся съ царскимъ родомъ. Это очень важный на Востокѣ титулъ. На чѣмъ бы такой титулъ Тимуру, если бъ онъ самъ былъ царского происхожденія?

Придворные льстецы, признавая Тамерлана потомкомъ Чингиса, сами какъ будто чувствовали шаткость своихъ положеній; ихъ переходъ къ Чингису сдѣланъ довольно ловко: „потомъ слѣдуетъ Чингисъ-ханъ“ — написали они; но не сообразили того, что предки послѣдняго въ глубинѣ Монголіи не могли носить мусульманскій титулъ эмировъ.

Но историки независимые приходили по поводу Тимурова родословія въ недоумѣніе. Такъ, Ибнъ-Хальдунъ (умеръ въ 1406 г.) въ главѣ о Джагатаидахъ (т.-е. потомкахъ Джагатая, сына Чингисханова) замѣчаетъ: „когда пресѣклась династія Чингисханидовъ, и они разбрелись въ разныя стороны, то вслѣдъ за господствомъ этихъ Джагатаидовъ въ Самаркандѣ и въ Мавераннагрѣ явился царь, по имени Тимуръ. Я не знаю, какъ родословная его связана съ ними. Говорятъ, что онъ не изъ ихъ рода, а что онъ только захватилъ отрока, происходившаго отъ одного изъ царей ихъ, и называвшагося Тогтамышемъ (читай: Сююргатмышемъ) или Махмудомъ — имя его было забыто — послѣ гибели отца его, самовластно распоряжался имъ и былъ однимъ изъ эмировъ ихъ (Джагатаидовъ)... Я не знаю, точно ли онъ родомъ изъ Джагатаидовъ или происходит отъ одного изъ союзниковъ и приверженцевъ ихъ“²⁾.

На Тимуровомъ родословіи не было бы надобности долго останавливаться, если бъ оно не характеризовало такъ хорошо Востокъ и его нравы. Но мы идемъ еще дальше. Намъ кажется, что Тимуръ былъ сильно причастенъ составленію своего генеалогического древа. Для него очень важно облагородить свое происхожденіе, чтобы упрочить власть за собою и за дѣтьми своими. Извѣстно, что Тимуръ очень заботился о томъ, съ какою молвою перейдетъ онъ въ потомство, и при жизни еще принималъ мѣры

¹⁾ Кажется, въ этомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ китайского вліянія. Рожденіе Илангоей трехъ сыновей безъ мужа, а отъ свѣта, проникшаго черезъ верхъ палатки, даетъ поводъ къ такому предположенію.

²⁾ *Тизенгаузенъ*, «Сборникъ материаловъ для истории Золотой орды». Стран. 390, примѣч. 2.

къ благопріятной для себя репутациі въ будущемъ. Шерефъ-эд-Динъ говоритъ, что Тимуръ потребовалъ отъ него описание своихъ походовъ *на просмотръ*, для исправленія, „чтобы не вкрадось въ это описание какихъ-либо невѣрностей“ — наивно замѣчаетъ историкъ. Понятно, что при такомъ условіи авторъ всю правду не выскажеть, побережеть ее для себя, а никакъ ужъ не для потомства. Такъ предусмотрителенъ былъ Тамерланъ. Окончательно же вопросъ объ этомъ участіи можетъ быть решенъ осмотромъ гробницъ отца Тимурова и старшаго сына, находящихся въ Кешѣ, если только на нихъ окажутся надписи. Что генеалогіи придавалось важное значеніе, можно видѣть изъ памятника Миранъ-шаха, скончавшагося вскорѣ послѣ смерти Тимура. Тамъ приводится та же самая родословная, и обѣ ней, видно, такъ заботились, что упустили самое существенное, что особенно наблюдается на мусульманскихъ памятникахъ: забыли выставить годъ смерти Миранъ-шаха.

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДѢЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНИЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1887.

(съ приложениемъ восемнадцати табличъ.)

—oo—oo—

С.-ПѢТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 лин., № 12.

1888.

Замѣтка о Курганахъ Туркестанскаго края.

Искусственныя возвышенія, насыпни, известныя у насъ подъ именемъ кургановъ или могиль, въ западномъ Туркестанѣ называются теперь не иначе, какъ *тепэ* (или *тюбе*) — «холмъ». Слово же «курганъ», несомнѣнно употреблявшееся для такихъ насыпей въ древности, удержалось только въ именахъ городовъ и селеній: *Яны-курганъ* («Новый курганъ»), *Катты-курганъ* («Большой курганъ»), *Учъ-курганъ* («Три кургана») и т. д. Курганы могильные, крѣпостцы разрушенныхъ городовъ (*кала*) и отдѣльно стоящія укрѣпленія — все это *тепэ*. Въ народной памяти не сохранилось никакихъ преданій о насыпаніи земляныхъ холмовъ надъ могилами предковъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось ихъ слышать, какъ ни разу не слыхалъ я отъ туземцевъ, что подъ курганами могутъ быть скрыты могилы¹⁾). Происхожденіе кургановъ объясняютъ они иначе, въ родѣ того, что иѣкоторые предводители азіатскихъ полчищъ, какъ напримѣръ Чингизъ-ханъ, при помощи кургановъ, насыпанныхъ до и послѣ похода, узнавали количество павшихъ воиновъ своихъ.

Считаю нужнымъ оговориться, что могильныхъ кургановъ я не раскопывалъ, такъ какъ имѣлъ задачу другаго рода, а коснуться ихъ мимоходомъ не находилъ удобнымъ, но гдѣ представлялся случай, свѣдѣнія о нихъ собираль постоянно. Курганы этого рода расположены и въ одиночку, тогда достигаютъ значительной высоты (сажень до 3, 4 и болѣе), и группами, представляющими сплошное кладбище и известными у мѣстныхъ жи-

1) Туркестанцамъ известно только назначеніе насыпей изъ камней *курумовъ* (изслѣдованныхъ мню въ Ферганской области). Эти могилы называются у нихъ *мукъ-хонэ* — «домъ» Муковъ, народа, иѣкогда обитавшаго, по ихъ мнѣнію, въ долинѣ Сыръ-дары.

телей подъ именемъ *минъ-тепэ* — «тысяча холмовъ», тогда высота кургановъ только около сажени. Одну такую группу видѣлъ я по дорогѣ изъ Ташкента въ Ходжентъ, верстахъ въ 45 отъ первого, другую на пути изъ Той-тепэ въ Намданакъ, третью у станціи Каракумъ по дорогѣ въ Ко-канъ, четвертую между г. Ошемъ и селеніемъ Узгентъ, а о пятой, повидимому самой многочисленной и находящейся въ Маргеланскомъ уѣздѣ Ферганской области, только слышалъ. Ни въ Зеравшанской области, ни въ Бухарскомъ ханствѣ, отъ границы его у г. Катты-кургана до самой столицы, такихъ кладбищъ не имѣется и существуютъ ли они въ другихъ мѣстахъ, не знаю. Въ минъ-тепэ находятся разныя мелкія вещи: бусы, пряжки, кольца, металлическія зеркала, и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ предметовъ были мною приобрѣтены у жителей.

То обстоятельство, что минъ-тепэ находятся только близъ Сыръ-дары и не простираются южнѣе, т. е. въ долину Аму-дары, даетъ поводъ заключать о возведеніи ихъ народами кочевыми, съиздавна хозяйствничавшими въ этихъ мѣстахъ.

Наоборотъ, насыпи другаго рода, т. е. курганы - укрѣпленія сооружены народами осѣдлыми для обороны главнымъ образомъ отъ кочевниковъ. Укрѣпленія кочевникамъ не нужны, и они ихъ не строятъ¹⁾). Если нападеніе произведено на кочевниковъ, и дать отпоръ они не въ силахъ, то спасаются бѣгствомъ вмѣстѣ со своими стадами, которыя не могутъ помѣститься ни въ какую крѣпость, а если бы и помѣстились, то перемерли бы отъ безкормицы во время осады. Кочевникъ безъ стада человѣкъ пропащій, иногда даже лишенный средствъ къ существованію.

Нѣкоторыя такія тепэ представляютъ правильныя усѣченныя пирамиды, это — цитадели небольшихъ городковъ со стѣнами или даже безъ стѣнъ. Къ первому типу можно отнести городище Той-тепэ (въ 35 верстахъ отъ Ташкента по дорогѣ въ Ходжентъ), ко второму — городища въ Бухарскомъ ханствѣ по долинѣ Зеравшана. Нѣкоторые курганы стоять особнякомъ и городовъ при себѣ не имѣютъ, какъ напримѣръ, *Чорлокъ-тепэ* верстахъ въ 40 на сѣверъ отъ Ташкента. Холмъ этотъ конусообразной формы, высотою 25 сажень; подъемъ на площадку, имѣющую 100 сажень въ окружности, очень крутъ. Лѣтъ 7 — 8 тому назадъ здѣсь случайно найденъ былъ большой кладъ серебряныхъ тимуридскихъ монетъ и 3 золотыя

1) Крѣпости у Туркменъ должны быть, по моему мнѣнію, дѣломъ рукъ прежняго осѣдлого населенія. Туркмены до послѣдняго времени представляли разбойничье гнѣзда, а потому поддерживали старинныя крѣпости на случай обороны отъ сосѣдей, когда тѣ рѣшались обуздѣть хищниковъ. Кромѣ того Туркмены занимались земледѣліемъ, и въ этомъ случаѣ крѣпостцы имѣли не лишни.

серьги. Часть находки была отобрана начальствомъ, но большинство ея разошлось по рукамъ. Раскопки, мною тамъ произведенныя, дали слѣдующіе результаты: съ сѣверной стороны откоса обнаружилась глинобитная стѣна въ аршинъ толщиною, затѣмъ шли цилиндрическіе колодцы для спуска нечистотъ — непремѣнныи признакъ жилья. Изъ вещей найдено: маленький глиняный кувшинчикъ; смальтовыя бусы и привѣски; битое стекло отъ разной посуды; два жѣлезные ножа, одинъ прямой, другой серповидной формы; каменная подставка на трехъ ножкахъ; мѣдная лампочка (*чиракъ*); мѣдная монета такъ называемыхъ Бухарь-худатовъ; большая глиняная корчага, высотою 1 арш. 10 вершковъ, а внутри ея 3 ручныхъ жернова; много чепиковъ глиняной посуды; зола, въ западной сторонѣ кургана; камни, которыми, повидимому, была вымощена площадь, или они служили для скрѣпленія насыпи.

Академикъ Миддендорфъ въ своихъ Очеркахъ Ферганской долины не признаетъ среднеазіатскіе курганы за искусственныя насыпи, за дѣло рукъ человѣческихъ, и предполагаетъ, что люди только воспользовались работою природы и приспособили иѣкоторыя возвышенности для своихъ надобностей. Не знаю, быть можетъ почтенный академикъ и встрѣчалъ такое явленіе и въ немъ нѣть ничего страннаго, но я лично имѣлъ дѣло только съ насыпными курганами¹⁾.

Приходилось мнѣ производить раскопки и въ другихъ курганахъ, но меньшей величины, саженъ до 3 — 4-хъ, и все ови оказывались содержащими въ себѣ жилыя помѣщенія, имѣли глинобитныя стѣны обращенные наружу, но съ пристройкой домовъ къ внутренней сторонѣ. Таковы: *Калланъ-тепэ* близъ кишлака Ашту, *Мунчакъ-тепэ* у города Чуста въ Ферганѣ. Таковы, надо полагать и курганы въ Зеравшанской области, судя по тѣмъ изъ нихъ, которые мнѣ удалось осмотрѣть. Они внутри также имѣютъ стѣны глинобитныя и колодцы, проникающіе въ материкъ. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи курганъ въ Бухарскомъ ханствѣ между кишлакомъ Ширинъ-хатунъ и городомъ Зія-эд-диномъ (древній Дебусія). Курганъ разрѣзанъ пополамъ сверху до низу, и сѣверная половина его снесена, почему онъ и называется *Ярымъ-тепэ* («Полъ-холма»). Курганъ высотою саженъ 5 и не осыпается, такъ какъ разрѣзъ пришелся по стѣнѣ зданія: стѣны зданія, двери, промежутки между стѣнами, все это отлично обрисо-

1) Не буду настаивать на такомъ свойствѣ кургановъ въ одномъ только случаѣ, и какъ разъ относительно Чорлакъ-тепэ, такъ какъ производилъ тамъ раскопки въ январѣ мѣсяца, когда склоны кургана были покрыты снѣгомъ; но верхъ тепэ несомнѣнно насыпной.

валось въ профиля кургана. Постройка расположена на высотѣ 3—4 сажень. Вершины нѣкоторыхъ изъ такихъ кургановъ представляютъ довольно значительныя площадки, сажень до 10 въ поперечникѣ; но встречаются тепѣ и совершенно конусообразныя, такого же вида, какъ могильные курганы на югѣ Россіи. Признаюсь, эти послѣдніе и смущаютъ и интригуютъ меня, возбуждая вопросъ такого рода: не были ли первоначально все курганы могильными, и уже потомъ въ мусульманскій періодъ, населеніе придумало утилизировать ихъ для стратегическимъ цѣлей, а убѣдившись въ ихъ пригодности для обороны, стало сооружать по образцу ихъ уже просто возвышенности съ приспособленіями для жилья небольшаго гарнизона или стражи? Строго систематическая раскопки кургановъ дадутъ тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ и во всякомъ случаѣ обогатятъ насъ важными открытиями въ области исторіи и археологіи. Конусообразные курганы видѣлъ я въ Кураминскомъ уѣздѣ и по Зеравшану. Въ послѣднемъ районѣ ихъ однако немного. Большинство Зеравшанскихъ кургановъ отличается иною формою: они не высоки (сажени 4—5), имѣютъ крутые склоны, какъ будто обтесанные; а нѣкоторые и дѣйствительно обтесаны для цѣлей хозяйственныхъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Въ этихъ курганахъ попадаются разныя мелкія вещи: монеты, бусы, домашняя утварь, и т. п., но потому ли, что такая добыча не заманчива, или потому, что въ нашихъ предѣлахъ раскопки запрещены, а въ Бухарѣ онѣ даже опасны, только не приходилось мнѣ слышать о раскопываніи кургановъ туземными жителями; находки же объясняются или случайностью, или вымываніемъ предметовъ весенними потоками воды, и это дѣйствительно такъ. Тѣмъ не менѣе курганы истребляются. Насыпная земля (*лѣсъ*), отдыхавшая въ теченіи многихъ столѣтій, обладаетъ необыкновенною производительною силою, и туземцы употребляютъ эту землю, какъ удобреніе. Они оскальзываютъ курганы и развозятъ землю по своимъ пашнямъ. Участки, въ которыхъ находятся курганы, цѣнятся дороже тѣхъ, въ которыхъ кургановъ не имѣется. Оттого многіе курганы утратили свою первоначальную форму и подвергаются опасности исчезнуть безъ слѣда. Уцѣлѣютъ только тѣ, которые служатъ кладищами для покойниковъ окрестнаго населенія, какъ напримѣръ, *Саросія-тепѣ* въ 6 верстахъ отъ Каттыкургана на сѣверъ, представляющее нѣсколько наслоеній могиль, да продержутся дольше другихъ курганы на землѣ частныхъ владѣльцевъ (*Чашъ-тепѣ* — въ 2 верстахъ отъ того же города), которые не дозволяютъ своимъ сосѣдямъ пользоваться землею изъ кургановъ. При сниманіи земли на удобреніе полей происходитъ такое явленіе: вмѣстѣ съ землею незамѣтно захватываются и тѣ предметы, которые находятся въ курганѣ, а потомъ они и обнаружи-

ваются на поляхъ. Каттыкурганскій уѣздиній начальникъ, полковникъ Вой-цеховичъ, передалъ мнѣ двѣ серебряныя головки, прелестной работы, отъ какой-то статуетки, найденныя однимъ сартомъ на своей пашнѣ¹⁾). По разслѣдованію дѣла оказалось, что сарть этотъ бралъ землю съ кургана *Дурбишъ* (или *Дервишъ*)-тепѣ (находящагося въ 8 верстахъ отъ Каттыкургана) и по всей вѣроятности задѣлъ тамъ и головки. Заинтересовавшись этимъ тепѣ, я не упустилъ случая осмотрѣть его. Въ то время *Дурбишъ*-тепѣ имѣло высоту съ восточной стороны 16 аршинъ, съ западной — 13. Вершина его представляла площадь до 16 саженъ въ длину и 9 въ ширину. Со всѣхъ почти сторонъ обстроено оно саклями, и жители обточили его значительно; цилиндрическіе колодцы сохранились вполнѣ. Верстахъ въ 2-хъ отъ *Дурбишъ*-тепѣ, ближе къ Каттыкургану находится старинная, теперь въ развалинахъ, крѣпость *Сары-пулъ*, очень интересная по своему устройству; а на сѣверѣ отъ этого кургана видѣнъ цѣлый рядъ подобныхъ же: *Амонъ-ходжас*, *Кара-бура* и другіе, названія которыхъ не могли сообщить мнѣ мои проводники.

Въ настоящее время Туркестанскіе курганы подверглись уже серьезному изслѣдованію со стороны мѣстныхъ русскихъ дѣятелей; но полученный материалъ не настолько еще обиленъ, чтобы можно было приступить къ какимъ либо выводамъ и обобщеніямъ: это дѣло будущаго.

Въ заключеніе считаю нужнымъ привести списокъ извѣстныхъ мнѣ кургановъ, на которые археологамъ современемъ слѣдовало бы обратить свое вниманіе.

Курганы близъ Ташкента. Ихъ очень много, я отмѣчу только слѣдующіе: *Кугей* (или *Кугаитъ*)-тепѣ на Саларѣ, *Кырчинъ*-тепѣ на Кизыльсаѣ, въ 5 верстахъ отъ Намданака, *Каударъ*-тепѣ между Намданакомъ и Той-тюбе, *Каракатай*-тепѣ въ 35 верстахъ отъ Той-тюбе на сѣверо-востокъ, *Хоновотъ*-тепѣ на Чирчикѣ близъ Куйлюка²⁾.

Курганы вдоль почтовой дороги отъ Ташкента въ Ходжентъ: Чибинъ-тепѣ (курганъ Муха), не доѣзжая 10 верстъ до Той-тюбе. Имѣть кону-сообразную форму. Коканскіе ханы, Омаръ и Мадали, пріѣзжали сюда на со-колиную охоту, и здѣсь имъ устроивалась палатка. *Кара*-тепѣ при Карасу. *Уртасарай*-тепѣ. За Той-тюбе большое пространство занимаетъ *Минъ*-тепѣ, а далѣе находится курганъ *Емышъ Кази*, противъ которого *Кокъ*-тепѣ, а затѣмъ надъ рѣкою Ангреномъ *Масляхатъ*-тепѣ; у Бискента

1) Головки эти представлены мною въ И. Археологическую Комиссію.

2) Разслѣдованіе могильныхъ кургановъ близъ Ташкента весьма успешно производится Н. П. Остроумовымъ.

Акъ-тепә; не доѣзжая Уральской станціи — *Караучи-тепә* и затѣмъ *Кундикъ-тепә*; здѣсь много кургановъ групшами и отдаѣльно стоящихъ.

По тракту изъ *Маргелана* въ *Андииджанъ*. На границѣ этихъ уѣздовъ находится нѣсколько тепѣ разрытыхъ мѣстными жителями. Близъ кишлака Куга курганы разной величины, а у самаго кишлака большой курганъ *Кайкобадъ-тепә*.

По тракту изъ *Казалинска* въ *Ташкентъ*. Между станціями Ташъ-саутъ и Сауранъ находятся два большіе кургана; нѣсколько ихъ расположено у Саурана. Передъ станціей Арысь 6 кургановъ рядомъ. Много ихъ и по рѣкѣ Арысь.

Курганы по тракту изъ Ташкента въ Самаркандъ. Въ разныхъ мѣстахъ до первой станціи, Ніязъ-башъ, много кургановъ и городищъ съ цитаделями, а близъ самой станціи число кургановъ особенно увеличивается: въ одномъ только мѣстѣ я насчиталъ 15 большихъ и 10 малыхъ, и по нѣсколько стоять рядомъ. Года два тому назадъ, во время земляныхъ работъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ обнаружились погребальные урны¹⁾. Такіе же курганы расположены и близъ старого Ташкента, развалины котораго (въ 40 верстахъ отъ нынѣшняго) занимаютъ очень большое пространство, и на пути въ Чиназъ. Особенно рельефно выступаютъ курганы въ Голодной степи, иногда по нѣсколько вмѣстѣ, какъ у станцій Малектъ, Мурза-робатъ; у Агачты три кургана, столько же у станціи Учъ-тюбе, изъ которыхъ два несомнѣнно могильные. Курганы тянутся и за Тамерлановыми воротами и далѣе къ Яныкургану, Каменному мосту, и къ Самарканду.

Курганы въ Самаркандской области: Бахши-тепә, — по преданію во времена Афросиаба тамъ былъ построенъ языческій храмъ, въ которомъ совершались жертвоприношенія при большомъ стеченіи народа²⁾. *Козъ-хона* (Гусиная хата), *Найманъ*, *Мирза* и др.

Курганы въ Бухарскомъ ханствѣ. Вдоль Зеравшана тянутся большие курганы до самой Бухары. За Бустаномъ: *Гудакъ-тепә*, *Муджинъ-тепә*. До Куюкъ-мазара мною насчитано 15 кургановъ (8 на правой сторонѣ дороги и 7 на лѣвой), изъ нихъ значительнѣе: *Вакфъ-тепә*, *Тизъ-тепә*. Большинство изъ нихъ болѣе или менѣе пострадало.

1) «Археологическая находка близъ Ташкента» въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1886 г., № 17.

2) «Туркестанскія Вѣдомости» 1873 г., № 4.

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНИЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

1893—1894.

(съ приложениемъ четырехъ таблицъ).

—
—
—
—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТИЯ.

Замѣтка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи.

Археологическія изслѣдованія въ Средней Азіи, хотя еще очень мало-численныя, обнаружили, однако, поразительное количество стеклянныхъ паздѣлій, преимущественно посуды разнаго вида, бывшихъ въ большомъ употребленіи у средне-азіатцевъ въ глубокой древности. Основываясь на этомъ изобиліи стекла, изслѣдователи приходили къ выводу, что оно не привозное, а мѣстнаго производства, что подтверждалось и присутствіемъ окалинъ. Для скептиковъ же можно привести письменное о томъ свидѣтельство V вѣка по Р. Хр., находящееся въ китайской лѣтописи Бэй-ши. О. Іакинотъ Бичуринъ помѣстилъ это свидѣтельство въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи» (СПб., 1851 г., ч. III, стр. 172). А. О. Ивановскій, по нашей просьбѣ, привѣрнулъ переводъ г. Іакинота и нашелъ тамъ иѣкоторыя неточности. Вотъ этотъ исправленный переводъ:

«Во время (Вэйского императора) Тай-ву (ди) люди этого государства (Большаго Юэ-чжи), производя торговлю, прибыли въ столицу (424 г.); о себѣ они говорили, что могутъ, расплавивши камни, приготовлять стекла (лю-ли) пяти цветовъ (разноцвѣтныя). При такихъ обстоятельствахъ они набрали руды 磷 въ горахъ и пропзвели плавку въ столицѣ. По окончаніи, (полученнымъ стекла) по блеску оказались лучше доставлявшихся путь западныхъ странъ. Тогда императоръ приказалъ сдѣлать (изъ нихъ) переносную тронную (залу) 行殿, вмѣшившую 100 слишкомъ человѣкъ¹⁾. (Стекла здѣсь) были блестящихъ цветовъ и прозрачны. Смотрѣвшіе постоянно поражались и приписывали сверхъестественное происхожденіе (神明所作). Съ этого времени стекло стало дешево, и люди болѣе не считали его драгоценностью²⁾ (Бэй-ши, цз. 97, л. 21).

1) О. Іакинотъ перевелъ здѣсь такъ: «.... государь указалъ ввести синь стекла и тронныхъ. Около ста человѣкъ обучались отливанію».

2) Тоже самое дословно приведено въ Вэнь-сиань-тунъ-као (Цз. 398, л. 2). А. О. И.

Въ VII и VIII вв. изъ земли Тухоло (Бактріана) посылались въ Китай стекла краснаго и изумруднаго цвета. (Собр. свѣд. о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи, ч. III, стр. 255, 256). **Н. Веселовскій.**

Китайскія пѣсни въ Сѣверной Маньчжуріи.

Среди простонародія Сѣверной Маньчжуріи развита довольно сильно любовь къ китайскимъ пѣснямъ. Поютъ эти пѣсни и китайцы, и маньчжуры, и даже дахуры. У маньчжуровъ существуютъ пѣсни и на родномъ языке (мною вывезено несколько такихъ пѣсень, которыхъ скоро будутъ напечатаны), но они какъ-то стѣсняются ихъ пѣть, и потому почти никогда не услышишь этихъ пѣсень, даже и въ маньчжурскихъ деревняхъ. Дахуры въ этомъ отношеніи смѣлѣе маньчжуровъ: они распѣваютъ свои пѣсни, да только не понимаютъ, что они поютъ — въ ихъ пѣсняхъ вся суть въ заунывномъ, протяжномъ напѣвѣ, слова же не при чемъ и зачастую не имѣютъ никакого смысла. Такова напр. знаменитая по всему Забайкалью и по всей Сѣверной Маньчжуріи пѣсня: *Нэййя . . . . .* вся состоящая изъ вариаций двухъ словъ, съ прибавкою только въ концѣ: *санѣ-домѣр барзѣм-бѣ* — «я терзаюсь въ душѣ»¹).

Совсѣмъ не то съ китайскими пѣснями: какъ все китайское, они имѣютъ сильное влияніе на простодушныхъ обитателей края. Эти китайскія пѣсни смѣло распѣваются и деревенскій крестьянинъ, и городской рабочій, и станиціонный ямщикъ, и художникъ, расписывающій за незначительную посуготочную плату домъ или кумирю. Пѣсни эти троякаго происхожденія. Напѣлѣе распространены пѣсни театральныя, т. е. взятые изъ пѣсъ, идущихъ на сценѣ. Обыкновенно это бываетъ входная арія героянинъ какой-нибудь особенно неправильной пѣсни изъ репертуара гостящей или гостившей въ городѣ и даже деревни труппы. Женскія роли, какъ позвестно, въ Китаѣ исполняются муцинами (обыкновенно подростками) и, надо отдать честь такимъ актерамъ, очень недурно. Всѣ аріи женскихъ ролей поются высокимъ фальцетомъ, а это-то и есть высшее наслажденіе для китайца. Поэтому нерѣдко приходится видѣть такія комическія сцены: работаетъ лѣтомъ плотникъ чуть не саженаго роста, положимъ, надъ бревномъ, потъ льетъ съ него градомъ, такъ что онъ сиялъ даже въ рубашку, работаетъ

1) Несмотря на свой напѣвъ и эти заключительныя слова, эта пѣсня считается веселой: ее поютъ, когда душа полна чувства, даже   т. е. когда сердце радуется.

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНАГО ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

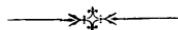
ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДЕЛЕНИЕМЪ

Барона В. Р. Розена.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ СЕМЫ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Бас. Остр., 9 днн., № 12.
1907.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

---

337. Самаркандскія мечети. Альбомъ архитектурныхъ рисунковъ и чертежей. Вып. I, мечеть Гуръ-эміръ. СПб., 1905.

Шведскій археологъ Мартинъ, состоявшій прежде при королевскомъ Археологическомъ и Историческомъ Музѣѣ въ Стокгольмѣ, а нынѣ причисленный къ Шведскому посольству въ Константиноіополѣ въ качествѣ attaché, посѣтилъ въ 1894 г., г. Самаркандъ и, по возвращеніи оттуда, обратился къ министру финансовъ С. Ю. Витте съ письмомъ, отъ 28 января 1895 г., которымъ обращалъ его вниманіе на печальное состояніе памятниковъ эпохи Тамерлана и вмѣстѣ съ тѣмъ умолялъ, во имя науки, сдѣлать что возможно для научнаго описанія ихъ и поддержанія отъ разрушенія.

Статья-секретарь Витте, самъ совершившій побѣздку въ Среднюю Азію въ 1890 г. и вынесшій оттуда также грустное впечатлѣніе о печальномъ положеніи памятниковъ старины, не остался безучастнымъ къ обращенію г. Мартина и препроводилъ письмо послѣдняго съ своимъ заключеніемъ къ Августѣйшему Президенту Имп. Академіи Наукъ на его воззрѣніе. Конференція Академіи Наукъ постановила препроводить означенную переписку въ И. Археологическую Коммиссію съ тѣмъ, что не признается ли Коммиссія возможнымъ при будущемъ командированіи лицъ въ Туркестанѣ принять мѣры къ сохраненію памятниковъ старины того края. Археологическая Коммиссія, всесторонне обсудивъ затронутый вопросъ, пришла къ заключенію, что поддержаніе всѣхъ монументальныхъ памятниковъ Туркестанскаго края вообще и древнихъ самаркандскихъ мечетей въ особенности возможно лишь при тщательной ихъ реставраціи; а это потребовало бы такихъ громадныхъ материальныхъ средствъ, на полученіе которыхъ расчитывать не было никакой надежды. Къ тому же нѣкоторыя зданія

пришли въ такое состояніе разрушенія, что легче ихъ разобрать и выстроить вновь, чѣмъ ремонтировать на уцѣлѣвшихъ остаткахъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ самое величественное сооруженіе Тамерлана — соборная мечеть его столицы, извѣстная въ народѣ подъ именемъ мечети Биби-ханымъ¹⁾. Болѣе цѣлесообразнымъ и менѣе дорогимъ средствомъ къ сохраненію памяти обѣ этихъ зданіяхъ въ потомствѣ было бы, по мнѣнію Коммиссіи, научное описание ихъ съ приложениемъ точныхъ архитектурныхъ чертежей и рисунковъ въ краскахъ, т. е. мѣра, принятая въ западной Европѣ по отношенію къ тѣмъ монументальнымъ памятникамъ, спасти которые отъ неизбѣжнаго разрушенія не представлялось возможноти. Чтобы подробнѣе разсмотрѣть это предположеніе и привести его къ реальному осуществленію, Коммиссія пригласила на особое совѣщеніе по этому предмету академиковъ В. П. Васильева, В. В. Радлова, бар. В. Р. Розена и К. Г. Залемана, а также профессора В. А. Жуковскаго. Совѣщеніе состоялось 15 апрѣля того же года и пришло къ заключенію, что помимо мѣръ, клонящихся къ охранѣ зданій въ ихъ настоящемъ видѣ, крайне желательно увѣковѣчить ихъ научнымъ изданіемъ, въ которое вошло бы, съ наибольшою полнотою детальное ихъ описание. Этотъ проектъ встрѣтилъ поддержку и со стороны Августейшаго Президента Академіи Наукъ. Въ то же время была составлена смѣта на производство работъ въ теченіе 1895-го года всего на сумму 4000 рублей. По всеподданнѣйшему докладу о томъ министра финансовъ С. Ю. Витте въ 26 день мая того же года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ государственного казначейства 4000 р. на расходы по снаряженію экспедиціи для собиранія матеріала по описанію древнихъ самаркандскихъ мечетей. Въ соединенномъ засѣданіи было постановлено просить предсѣдателя И. Археологической Коммиссіи графа А. А. Бобринскаго, принять на себя общее руководство всѣмъ предпріятіемъ, а ближайшее наблюденіе и исполненіе плана работъ было возложено на меня въ качествѣ старшаго члена той же Коммиссіи и профессора здѣшняго университета по каѳедрѣ Исторіи Востока.

Архитектурныя и описательныя работы начались лѣтомъ того же 1895 года въ г. Самаркандѣ, при чемъ изъ ряда мечетей, воздвигнутыхъ Тамерланомъ, прежде всего взята для изслѣдованія усыпальница этого великаго завоевателя, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Гуръ-эмиръ, т. е. «могила эмира» (Тамерлана). Она состоитъ изъ двухъ частей:

1) Грандіозныя ворота этой мечети сильно пострадали во время землетрясенія, бывшаго въ Самаркандѣ 5 сентября 1897 года.

мечетя собственно и воротъ, послѣднія сооружены были не сколько позднѣе, повидимому впукомъ Тамерлана, Улугъ-бекомъ. Рисунки и чертежи этой мечети по точнымъ ея обмѣрамъ, т. е. самымъ документальнымъ образомъ, были исполнены въ три пріема художниками-архитекторами П. П. Покрышкинымъ, взявшимъ на свою долю мечеть собственно, и А. В. Щусевымъ, зарисовавшимъ ворота. Въ тоже время шли работы по изготавленію такихъ же чертежей съ прочихъ мечетей времени Тамерлана. На всѣ эти работы было отпущено въ три срока 10.000 рублей; въ первый годъ 4000 р., въ два слѣдующіе по 3000 р. Въ виду того, что архитекторскій трудъ оцѣнивается обыкновенно wysoko, приходилось приглашать на работы въ Самаркандѣ по преимуществу молодыхъ архитекторовъ пзъ числа только что окончившихъ архитектурный классъ, еще не обремененныхъ строительными заказами и не избалованныхъ зароботкомъ. Конечно, начинающіе дѣятели уступали въ опытности своимъ старшимъ товарищамъ; но за то они имѣли передъ ними и не скоторое преимущество: подвижность, позволявшую имъ взбираться для обмѣровъ на пункты не всегда безопасныя въ смыслѣ устойчивости, и усердіе къ работѣ, которой они предавались съ увлеченіемъ юности. При отсутствіи всякихъ признаковъ заносчивости, эти молодые художники шли на встрѣчу всѣмъ соображеніямъ и планамъ и сами высказывали свои предположенія, направленныя къ лучшему осуществленію порученного имъ дѣла. При такихъ условіяхъ вести работу совмѣстно съ этими архитекторами являлось большимъ удовольствіемъ, и я особенно вспоминаю съ благодарностью имена П. П. Покрышкина и А. В. Щусева, раньше другихъ установившихъ пріемы и принципы по изготавленію рисунковъ съ самарканскихъ мечетей. Кромѣ мечети Гуръ-эміръ, зарисованы: 1) соборная мечеть «Биби ханымъ», порталъ которой и не скоторая детали самой мечети были зарисованы архитекторомъ-художникомъ Н. Н. Щербиною-Краморепко, а фасадъ самаго зданія П. П. Покрышкинымъ, и 2) не скоторая части очень сложной мечети «Шахъ-зиндэ», гдѣ заключается цѣлый рядъ отдѣльныхъ усыпальницъ и цебольшихъ мечетей. Здѣсь работы велись многими художниками въ теченіе не сколькихъ лѣтъ. Фотографические снимки были исполнены художникомъ С. М. Дудинымъ и фотографомъ И. Археологической Комиссіи Чистяковымъ.

Вышедшій нынѣ первый выпускъ альбома Самарканскихъ мечетей представляетъ, какъ съ вѣнчей, такъ и съ внутренней стороны, явленіе у насъ новое. Изъ заграничныхъ изданій подобнаго рода мы можемъ указать развѣ только на *Monumentos arquitectonicos de Espa a publicados de R. Orden y por disposicion del Ministerio de Fomento. Madrid.* Подобныя

предпріятія доступны только правительству, ни одно ученое общество не въ состояніи взять на себя подобную задачу, а расчитывать на меценатовъ въ такихъ случаяхъ у насть трудно.

Чтобы дать чертежи по возможности детальные, принять быль большой размѣръ бумаги, именно 76 × 56 с. м., и всетаки три таблицы пришлось сдѣлать двойного размѣра. Бумага для рисунковъ выписывалась изъ Страсбурга самаго высокаго качества.

Текстъ предисловія на русскомъ и французскомъ языкахъ украшень тремя рисунками: 1) верхней поверхности нефритового надгробія (سنگ سیاہ) надъ могилою Тамерлана, 2) передней стороны его мраморнаго надгробія (کوک تاش) и 3) погребального склепа.

Н. Веселовскій.

338. Учебникъ тюркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ закаспійской области. Составилъ Агабековъ. Асхабадъ, 1904, IV+100+25.

Нарѣчія туркменскихъ племенъ до сихъ поръ принадлежать еще къ числу тѣхъ, которыхъ не коснулось или мало коснулось *научное изслѣдованіе европеицевъ*¹⁾. Первый достойный вниманія опытъ въ этомъ направлениі былъ сдѣланъ русскимъ оріенталистомъ Березинымъ надъ нарѣчіемъ персидскихъ (астрабадскихъ) туркменовъ²⁾. Другой русскій востоковѣдъ, Ильминскій произвелъ нѣсколько цѣнныхъ наблюденій надъ говорами юмудовъ и эсень-или³⁾. Рядъ маленькихъ и ненадежныхъ замѣтокъ скорѣе о письменномъ языке туркменовъ далъ Вамбери⁴⁾.

До сихъ поръ не обращено еще также должнаго вниманія на свѣдѣнія о туркменскихъ нарѣчіяхъ, имѣющіяся у *восточныхъ филологовъ*⁵⁾.

1) См. *Phonetik der nördlichen Turksprachen* von Dr. W. Radloff, Leipzig, 1882, стр. 290 и «Турецкія нарѣчія и литература», статья П. М. Меліоранскаго въ Энц. Сл. Брокгауза и Эфрона, т. 84, стр. 160.

2) Березинъ, Годичный отчетъ путешествующаго по востоку. Отд. отт. изъ Ж. М. Нар. Просв. за 1845 г. См. также его-же: *Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs*. Casan, 1848, где между прочимъ указывается, какое мѣсто давали туркменскому среди другихъ турецкихъ діалектовъ европейскіе филологи, начиная съ И. С. Adelung'a, въ своихъ классификаціяхъ человѣческихъ языковъ.

3) Ильминскій, *Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Ilminsky an A. Schieffner (Orenburg, den 29. December, 1859), Mélanges asiatiques, t. IV, p. 68—74.*

4) ZDMG, т. 33. *Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's*. Его-же: *Čagataische Sprachstudien*. Leipzig, 1867.

5) О туркменскомъ нарѣчіи упоминается, напримѣръ, въ филологическомъ сочиненіи неизвѣстнаго араба, изданномъ П. М. Меліоранскимъ: Арабъ филологъ о турецкомъ языке. СПБ., 1900. Въ Британскому музѣю имѣется рукопись, заключающая въ себѣ джагатайскую грамматику съ указаніемъ формъ кашгарскихъ, туркменскихъ и ногайскихъ, на пер-